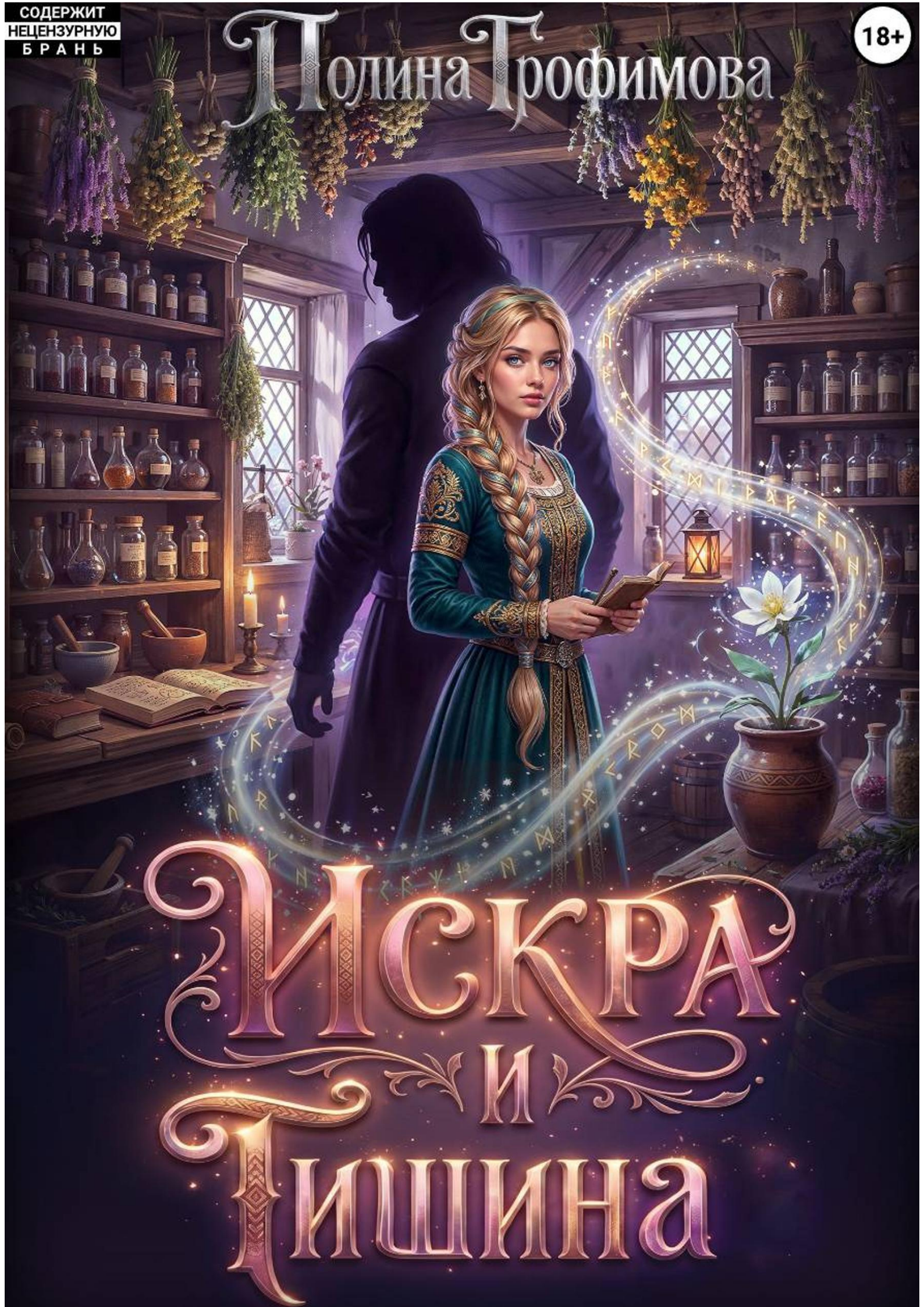
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
Полина Трофимова
Искра и Тишина

Полина Трофимова

Искра и тишина

«Автор»
2026

Трофимова П.

Искра и тишина / П. Трофимова — «Автор», 2026

Книга вторая.Жизнь вошла в спокойное русло: уютный городок, работа в аптеке, новые знакомства.И капитан, который приплывает редко. Но каждый раз мир будто снова наполняется красками.Но спокойствие оказалось обманчивым.В городе исчезают женщины.С моим новым другом мы начинаем расследование. Аптекарь Ян не задаёт лишних вопросов, но замечает больше, чем кажется. Он верит мне и всегда рядом в нужный момент.Нам удаётся выяснить, что пропавших объединяет не только непростая судьба. Они слышали таинственный голос, что приходит во сне. Он обещает покой и избавление от страданий.А впереди — трагедия, которая изменит мою жизнь навсегда.Не знаю, смогу ли оправиться. И отыщу ли в себе силы, чтобы докопаться до правды.Ясно одно — я могу стать следующей.Продолжение романтического фэнтези «Ветер и Соль». История о тихой нежности, что прорастает сквозь пепел потери, и о тьме, которая умеет ждать.

© Трофимова П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 16
Глава 5 19
Глава 6 23
Глава 7 28
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Полина Трофимова
Искра и тишина

Глава 1

Чайник на плите давно закипел, вода бурлила, крышка подпрыгивала. Я слышала это, но будто откуда-то издалека. Взгляд устремился в окно. Едва рассвело, но я уже видела краешек пристани. Она пустовала.

Каждое утро я всматривалась вдаль в надежде вновь разглядеть знакомый темный силуэт «Неукротимого», раскинувшего серые паруса.

Но не сегодня. Снова не сегодня.

С нашей последней встречи с Джозефом минуло уже полгода. Шесть месяцев ожидания, робкой надежды, чувства пустоты в груди. Я провела в Зальцдорфе почти год. И за это время он приплывал лишь однажды.

Тогда я заметила корабль издалека и со всех ног бросилась к причалу. Он спрыгнул ко мне еще до того, как опустили трап, и я очутилась в родных объятиях. Джозеф уткнулся в мою макушку, его руки прижимали меня, гладили. Темная ткань камзола пропиталась моими слезами.

Та встреча была наполнена радостью. Я чувствовала себя по-настоящему счастливой. Мы не расставались ни на минуту. Каждый взгляд, каждое прикосновение дышало любовью.

Джозеф рассказывал о задании: они выслеживали контрабандистов. Справились, вражеский корабль отправился ко дну, пленных передали короне. Море, говорил он, пахло гарью еще три дня.

Я поведала о своей новой жизни. Когда Джозеф впервые уплыл, я не сидела без дела, стараясь занять каждую минуту. Привела в порядок дом Эльфриды: до блеска натерла окна, вытряхнула ковры, перестирала белье. Старушка стала отличной соседкой, мы поладили. Она радовалась компании, делилась воспоминаниями, рассказывала о городе. Даже познакомила с местными: розовощеким булочником Эрлом, торговкой овощной лавки Зельдой и молчаливым аптекарем Яном.

С Эльфридой поначалу было интересно. Я пекла свои фирменные булочки, которые мы с аппетитом ели на уютной кухне, запивая ароматным взваром. Увлеченно болтали, а вечерами я читала старушке вслух — книг в доме хватало.

Но довольно быстро мне стало скучно. Сидеть без работы казалось непривычным. Когда дел по дому не осталось, меня одолела тоска. Я попыталась найти что-то в городе, но не преуспела. Хозяин таверны, куда я заглянула, окинул меня взглядом и проворчал: «Ты слишком хороша для нашей забегаловки, милая. Иди домой, жди мужа».

Джозеф холодно отнесся к тому, что я захотела работать.

— Мы не для того проделали весь этот путь, чтобы ты снова драила кастрюли на чужой кухне, Анна, — устало сказал он, притянув меня к себе.

Джозеф уплыл, пробыв со мной всего пару счастливых дней, и обещал вернуться через два месяца. Но сильно запаздывал.

Он оставил мне достаточно денег. Тогда хватало. Но теперь…

Мы с Эльфридой не голодали, но невозможность работать угнетала. Я все еще каждое утро всматривалась в море, но на днях твердо решила: найду себе какое-нибудь занятие. Бездельничать стыдно.

Я вздохнула, оторвалась от окна и сняла чайник с плиты. В доме снова стало тихо.

— Уже проснулась, деточка? — проскрипела Эльфрида, заходя на кухню.

Она с трудом передвигалась, давали о себе знать годы работы. Но старушка не унывала и всегда выглядела опрятно. Вот и сейчас, хотя солнце еще не встало, она уже натянула выцветшее платье и любимую пушистую шаль.

— Да, мне не спалось, — ответила я.

Руки привычно взялись за дело: разлили кипяток по кружкам, достали из ледника сыр. Я выставила на стол скромный завтрак и пододвинула старушке тарелку.

— Ты сегодня какая-то задумчивая, — лукаво улыбнулась Эльфрида, беря чуть дрожащими пальцами фарфоровую чашку.

На меня, выросшую в нищете, ее сервиз произвел впечатление. Я до сих пор задерживала дыхание, когда ополаскивала чайные пары, боясь разбить.

— Пани Эльфрида… — пришлось вдохнуть поглубже. — Я хочу найти работу. Не поймите неправильно, но бездельничать больше нет сил.

— О, моя дорогая! Прекрасно тебя понимаю. И вижу, как ты маешься все эти месяцы. Нам неплохо вдвоем, но я представляю, как тяжело молодой, полной сил девушке торчать в четырех стенах со старухой. И что думаешь делать? — участливо спросила она, отламывая кусок булочки.

— В этом и проблема. Сил полно, а желания еще больше. Вот только работы нет, — ответила я.

— Если сильно чего-то захотеть, то оно обязательно сбудется. Вот что, Анна. Собирайся в город, нужно прикупить кое-какой еды. И загляни в аптеку, у меня закончилась та чудесная мазь, что делает Ян, а боли нестерпимые. Да не торопись, пройдись по лавкам, поспрашивай. Уверена, что-то да найдется.

Позавтракав, я засобиралась.

Когда я работала в «БольшомКите», из одежды у меня имелась лишь пара заношенных тряпок, которые платьями можно назвать с натяжкой. Теперь все изменилось. Гардероб пополнился: новые наряды, хорошая обувь и, конечно, роскошные плащи, привезенные с Северных островов.

Обычно для визитов в город я наряжалась, так как не хотела выглядеть в глазах местных замухрышкой. Но сегодня решила одеться попроще. Чтобы будущий работодатель видел во мне не белоручку, а ту, кем я являлась на самом деле — прилежную работницу, не чурающуюся никаких обязанностей.

Я прошлась по привычному маршруту. Наведалась в булочную за мукой, поговорила с Эрлом. Но тот лишь виновато развел руками — в лавке трудилась вся его многочисленная семья, помощники не требовались.

Зельда снабдила меня ароматными яблоками, но и у нее работы не нашлось.

Я обошла почти все окрестные лавочки, поболтала с половиной города, даже осмелилась заглянуть в больницу. Думалось, что уж там-то сиделки нужны всегда. Но нет.

Отчаявшись, я поплелась в аптеку. Южный ветер ласкал кожу, в воздухе пахло солью. Но в душе разлилась тоска: вновь вернусь домой ни с чем.

Тяжелая дверь поддалась с трудом. Я прошмыгнула внутрь. В торговом зале царил приятный полумрак и пахло травами — мятой, ромашкой, чем-то горьковатым и терпким.

Звук моих шагов наполнил пространство, ведь здесь всегда было тихо. За прилавком никого. Но где-то совсем рядом слышался звон стекла и бормотание: аптекарь возился в лаборатории, что скрывалась за дверью.

Палец аккуратно нажал на серебристый звоночек — так посетители предупреждали хозяина о том, что им нужна помощь. Но ко мне никто не вышел. Я позвонила снова. Что-то загремело и зашипело. Аптекарь, вероятно, торопился к покупательнице.

— Чем могу помочь? — громко спросил он, почти вывалившись из-за двери.

Русые волосы чуть взъерошены, на светлой рубахе расплылось темное пятно.

— Ах, пани Новак, это вы.

Ян Рубик, как и большинство жителей Зальцдорфа, казался вполне дружелюбным. Но более отстраненным: у него всегда много дел, он вечно возился с растирками и мазями.

— Очередная порция для пани Эльфриды, полагаю, — протянул Ян, доставая склянки.

Я украдкой взглянула на него. Довольно высокий и коренастый. Волосы собраны в низкий хвост, зеленые глаза внимательно изучают бирки на банках. Обычный житель Громогорья, каких много.

— Мне, как всегда, будьте добры, — улыбнулась я.

— Сейчас, — завозился Ян, перебирая пузырьки. — Да где же оно… Погодите.

Он скрылся в лаборатории. Раздался звон разбитого стекла и глухой удар, в приоткрытую дверь просочился запах гари.

— Вот же… незадача, — пробормотал аптекарь.

Сквозь узкую щель я увидела, как он протянул руку к осколкам, усыпавшим рабочий стол. Рядом стояла зажженная горелка. Вероятно, сосуд нагрелся слишком сильно и лопнул. Кончики пальцев аптекаря окутало тусклое желто-зеленое сияние. Стекляшки задрожали и поползли навстречу друг другу. Всего пара секунд — и Ян уже держит целехонькую колбу без единого скола.

Я удивленно охнула. Широкие плечи протиснулись в проем.

— Прошу прощения. Столько дел, ничего не успеваю.

— Вы маг! — воскликнула я.

— Маг земли, — Ян едва заметно улыбнулся. — Но дар совсем слабый.

— Это такая редкость! — кивнула я.

— Да, в Зальцдорфе нас можно пересчитать по пальцам одной руки.

Он принялся перекладывать мазь из большой банки в маленькую, для продажи.

Я замолчала, внимательно глядя на него. Нестерпимо захотелось взять салфетку и промокнуть пятно с его рубахи. А потом заглянуть в лабораторию, поднять упавший стул, оттереть со столешниц гарь, распахнуть окна, чтобы выветрить вонь. Даже ладони зачесались.

— Пан Рубик, — наконец решилась я. — В аптеке не найдется какой-нибудь работы для меня? Вы так заняты, столько дел. Я могу помочь.

От собственной наглости аж колени подкосились. Пришлось крепче вцепиться пальцами в прилавок.

— Что? — пробормотал аптекарь.

— Я ищу работу. Уже весь город обошла, но все без толку. Я многое умею и быстро учусь. Могу убираться, обучена грамоте, легко нахожу подход к людям. И точно буду полезной, — на одном дыхании выпалила я.

Ян оторвался от пузырьков, вскинув голову. Задумчивый взгляд прояснился, рука потянулась взъерошить волосы.

— Работу? А что… Идея хорошая. Я ведь тут и правда разрываюсь… — он оценивающе посмотрел на меня.

— Я помогала бы вам обслуживать покупателей. Не подумайте, я не гонюсь за деньгами, согласна на самую скромную оплату. Мы с вами поможем друг другу: я возьму на себя часть обязанностей, а вы будете спокойно работать в лаборатории.

Ян все смотрел на меня, внимательно изучая. Я его понимала. Все знали, как я появилась в Зальцдорфе. Девчонка, которую привез корабль наемников, коротает дни в обществе старушки, в деньгах не нуждается. Разгуливает по лавкам в новых платьях и с набитым кошельком на поясе.

И теперь она напрашивается в помощницы: следить за кассой, отпускать посетителей и мыть мензурки. Несомненно, пан Рубик сейчас в замешательстве.

— Что ж. Это все довольно неожиданно, — наконец отмер он. — Пани Новак, прошу дать мне немного времени. Встретимся завтра, к примеру, в обед, здесь же. И тогда я озвучу свое решение. Нужно кое-что прикинуть.

Каблучки новых лакированных туфелек отбивали дробь по мостовой Зальцдорфа. Ветер сменился, на улице заметно похолодало, а от соленого воздуха свербело в носу.

Зато внутри расцвела надежда. Впервые за долгое время мне не отказали, а обещали подумать. «*Подумать*» — какое волшебное слово. И хотелось верить, что в этот раз все обязательно получится.

Глава 2

Влажная тряпка скользила по поверхности прилавка. Почти как в «Большом Ките», все привычно. В аптеке стояла уютная тишина и пахло травами. Но теперь дышалось значительно легче.

Минула неделя с тех пор, как пан Рубик согласился взять меня в помощницы. Я успела похозяйничать — закатав рукава, принялась наводить порядок. Отмыла стеллажи, стерла вековую пыль. Проветрила торговый зал, расставила склянки по алфавиту.

С утра до позднего вечера я трудилась в аптеке. Ян, поначалу внимательно наблюдавший за каждым моим движением, через пару дней расслабился и теперь часами пропадал в лаборатории. Будто осознал, что мне можно довериться.

Дверь скрипнула, и в зал прошмыгнула фигурка. Несмотря на летний зной, посетитель с ног до головы укутался в плащ. Подойдя к прилавку, он скинул капюшон. Это оказалась девушка. Местная, мы пару раз пересекались в лавке бакалейщика.

— Мне бы… — начала она дрожащим голосом, — что-то от боли. И… понимаете, от этого?

Она всхлипнула, поворачивая голову. Лицо с правой стороны было синим. Нет, даже скорее черным от ужасного синяка. Глаз заплыл, кожа вокруг распухла, а белок налился кровью.

Я проглотила подступивший к горлу ком.

— Что с вами, пани…?

— Изред. Меня зовут Изред. Прошу вас, помогите.

Она всхлипнула снова и уже не смогла сдержаться. Покачнувшись, девушка осела на пол. Тело сотрясли рыдания.

Я выскочила из-за прилавка и подбежала к ней. Попыталась поднять, но Изред лишь подвывала и вздрагивала при каждом моем прикосновении. Кое-как удалось усадить ее на скамью. Девушка надрывно плакала, прижимая ладони к лицу. Я стянула с нее плащ и ужаснулась. Сквозь тонкую нательную рубашку, местами разорванную, виднелись многочисленные синяки, кровоподтеки, ссадины.

— Это все он… Он! — просипела Изред. — Прошу, не говорите никому!

Я на мгновение оцепенела.

В памяти пронеслись воспоминания: я, едва живая, спешу к пристани Бохницы. Раненая, вся в крови. Где только нашлись силы для бегства?

В ту же секунду все стало понятно. Это не несчастный случай. Изред не упала с лестницы, на нее не набросился цепной пес. Это сделал с ней мужчина.

Мои руки едва заметно затряслись.

Послышался скрип, на шум из лаборатории вышел Ян. Он остановился, таращась на нас. Я округлила глаза и мотнула головой в немом знаке: *не сейчас*. Чутье подсказывало — Изред не захочет принимать помощь от мужчины. Ян смотрел на меня всего секунду. Потом коротко кивнул и скрылся за дверью лаборатории. Что-то вновь загрохотало, зазвенело. И вскоре он тенью заскользил по залу.

На прилавок опустился дымящийся таз. Рядом легло несколько чистых полотенец. Ян деловито расставил по порядку баночки, чтобы обработать раны.

Он не поддался панике. Не стал кричать, что разорвет в клочья мерзавца, сделавшего это. Лишь молча провернул ключ, запирая аптеку, задернул шторы, зажег лампы. На двери появилась табличка «Закрыто».

Он еще раз взглянул на меня, будто говорил: *«Я все вижу. И все понимаю. Я оставлю вас, но я рядом»*. Я благодарно кивнула ему. Ян скрылся в лаборатории.

Изред, постанывая, разделась. Я промыла несколько ссадин и наложила заживляющую мазь. Синяк на лице обработала растиркой. И заварила чайник с успокаивающим отваром. Лишь спустя час девушка, сжимающая в трясущихся руках кружку, решилась заговорить.

— С-спасибо. Как вас зовут?

— Анна. Зови меня просто Анной.

— Анна… Спасибо! — Изред громко отхлебнула чая, давая себе паузу. — Ужасно! Я понимаю, как все это выглядит.

— Кто это сделал? — без раздумий спросила я.

Внутри все кипело. Воспоминания, что я так старательно глубоко прятала, лезли наружу.

Изред молчала. И глаз не поднимала, словно уже пожалела, что пришла.

— Послушай, Изред… — начала я. — Понимаю, как тебе сейчас тяжело, поверь. Мне знакома жестокость. Я ведь не всегда была такой, — я оправила складки на свежем платье, пригладила выбившиеся из косы пряди. — Я выросла в ужасном месте. Когда-то меня тоже сильно избили и овладели мной против воли. А потом пытались убить.

Я невидяще смотрела куда-то на стену.

Пара лет прошла с того момента, как на меня напал Томаш. Ни одной живой душе, даже милой Эльфриде, я не рассказывала о случившемся. Кроме Джозефа — моей любви, моему ветру, защитнику. Но картинки воспоминаний… нет-нет, да мелькали на задворках сознания, какой бы сильной я ни хотела казаться. Такое не забыть никогда.

— О, Анна… — выдохнула Изред. — Мне так жаль, так жаль. Но нет, — она всхлипнула. — Все несколько иначе.

Изред поведала мне страшную историю. Историю большой любви и не менее большого предательства.

Ей повезло, она вышла замуж вовремя, в восемнадцать. За приличного, вроде бы, мужчину — он трудился привратником. Все как в сказке: пылкие чувства, любовь, близость, забота. Да, забота. Уважаемый пан Кротич окружил молодую жену вниманием: покупал все, что она захочет, перевез в большой красивый дом. Они уже задумывались о детях.

Но внезапно Ганс попался на краже. Он воровал из городского бюджета, но корона узнала. Его не отправили в казематы, нет. Просто уволили, лишили довольствия. Ганс осел дома. Впрочем, дом очень скоро пришлось продать, ведь на его содержание больше не хватало средств.

А потом — беспробудное пьянство, неконтролируемые вспышки гнева, которые бывший привратник выплескивал на жену. Сначала несильная пощечина. Изред легко простила, ведь муж был не в себе, мертвецки пьян, не осознавал, что делает. Потом первое избиение, тоже не сильное, чтобы никто не заметил синяков. Дальше — хуже, больше, страшнее. Изред не могла найти сил уйти. Даже поговорить, будто оцепенела. А вчера он накинулся на нее, избивая ногами.

— Как же так, Анна? Как так? — прошептала Изред.

Слез не осталось. Она перебирала подол плаща.

— Послушай, вот что мы сделаем…

— Нет, не нужно, — встрепенулась Изред. — Спасибо за помощь, правда! Но я, пожалуй, пойду.

Не дав мне и слова сказать, она поднялась, вложила в мою ладонь три сребрушки и буквально вылетела за дверь.

Я тут же рванула следом.

Но за спиной выросла тень.

— Анна, нет, — твердо сказал Ян.

Я обернулась, и он шагнул ближе, заслоняя собой проход. Я невольно отступила на шаг.

— Не надо. Запомни: с какой бы бедой к нам ни приходили, мы не законники. И не вправе делать больше, чем хочет посетитель. Она ушла. Значит, так сейчас нужно.

Он взглянул на меня. Во взгляде — вопросы. Бесконечные вопросы и печаль. Он знал меня лишь как привезенную наемниками девчонку, прилежную работницу. Но сегодня, вероятно, услышал больше. Я не знала, плохо это или хорошо.

А потом Ян придвинулся ближе. И легко, почти невесомо, коснулся моего плеча ладонью.

— Молодец. Ты сделала все, что могла. А теперь… выпей чаю. Я заварю.

Он не ждал ответа. Просто развернулся и ушел за прилавок. Заскрипела заслонка плиты, звякнула кружка. Ян молча пододвинул мне стул. Сам сел напротив, положив локти на стол.

— Ты как? — участливо спросил он.

— Не знаю, — честно ответила я.

Меня все еще немного потрясывало. Я обхватила горячую кружку, чтобы унять дрожь.

— Ты сказала, что на тебя напали, — отметил Ян без нажима.

Я кивнула.

— Это случилось давно. Я родилась далеко отсюда, в богом забытом городишке Бохнице. Выросла без родителей. Устроилась работать в таверну, и там был… один. Он хотел меня. А я его — нет. Томаш выследил меня однажды, напал, сильно избил и… — я замолчала.

Ян указал на тарелку с рассыпчатым печеньем, испеченным мной накануне.

— Тебе надо поесть. Сладкое помогает.

Кивнув, я взяла одно. Но есть не хотелось, я лишь крошила кусочки.

— Тебя спас он? Тот капитан корабля.

— Да, Джозеф, — печально улыбнулась я, наконец осмелившись взглянуть на Яна.

Я опасалась увидеть в его глазах жалость. Но нет, в них плескалось только понимание.

— Ты ждешь его?

— Жду, — ответила я.

А потом мы просто допивали чай в тишине. Но это молчание не тяготило, скорее дарило покой. Словно мы с Яном — старые приятели. Моя тревога постепенно отступила.

— Иди домой, Анна. Закроемся сегодня пораньше, отдохни.

Он проводил меня до двери и на прощанье кивнул.

Глава 3

Следующим утром я застала на кухне взволнованную Эльфриду. Старушка поставила чайник и накрыла на стол.

— Деточка, что-то случилось? Ты сама не своя, да и пришла вчера слишком рано, — заботливо поинтересовалась она.

Хотелось рассказать ей о происшествии в аптеке, но я смолчала. Ни к чему тетушке лишние переживания.

— Все в порядке. Может, слегка простудилась, — улыбнулась я.

— Принесли свежую газету. Не почитаешь мне?

Я устроилась на стуле, отпила из кружки и развернула ежедневный выпуск «Вестника». С первой полосы улыбался довольный мэр. В интервью он сообщал о ежегодном празднике и активной подготовке к нему. На второй странице писали о том, что урожай в этом сезоне обещает порадовать горожан.

А на третьей…

Очередной глоток чая выплеснулся на стол. Я закашлялась.

— Анна?.. — удивленно окликнула старушка.

«Вчера вечером Ганс Кротич сообщил о пропаже жены. Изред Кротич ушла днем за покупками и не вернулась домой. Всех, кто располагает какой-либо информацией о ее местонахождении, просим обратиться в участок…»

— Эльфрида, простите, но мне нужно бежать.

Схватив газету, я вылетела из дома и всего за несколько минут преодолела расстояние до аптеки.

Тяжелая дверь поддалась не сразу. Внутрь я буквально ввалилась.

— Ян! — крикнула я. — Там! Там!

— Анна? Что случилось? — взволнованно спросил аптекарь, выходя из-за прилавка.

— Изред… Ганс… она… — я пыталась отдышаться, согнувшись и уперев влажные ладони в колени. «Вестник» выпал из рук, газетные листы рассыпались по полу.

— Я знаю. Уже прочитал, — тихо сказал Ян.

Он подошел ко мне, протягивая руку, будто хотел коснуться в поддерживающем жесте. Но замер, так и не решившись.

Я наконец смогла выпрямиться и теперь в ужасе смотрела на своего работодателя.

— Нужно идти к стражникам и все им рассказать! Возможно, мы последние, кто видел Изред.

— И мы пойдем. Но сейчас тебе надо успокоиться. Присядь же, — Ян пододвинул ко мне стул. — Не волнуйся так. Не думай сразу о худшем.

— Вдруг это он? Убил ее, — прошептала я. — А потом сам подал заявление, чтобы отвести от себя подозрения. Так бывает, я знаю — читала в книгах. Муж же всегда первый подозреваемый! А он ведь ее избивал.

— Но есть и другие варианты. Изред не обязательно мертва. Причин ее пропажи может быть много: решила переночевать у родни или знакомых, чтобы не попадаться на глаза Гансу, или вовсе сбежала. Не делай поспешных выводов.

— Ты прав. Ой… — от волнения я и не заметила, что перешла на «ты».

Ян слегка улыбнулся, почти по-дружески.

— Ничего. Так мне даже больше нравится. Все эти «паны», «пани»… Между нами не такая уж огромная разница в возрасте. Я ведь не ровесник Эльфриды.

Я удивленно взглянула на него, на миг забыв о беспокойстве. И правда… Он совсем не старый. Вероятно, даже моложе Джозефа, едва ли ему больше тридцати.

— Сделаем вот что, — начал Ян. — Сходим к законникам. Но говорить буду я. Поверь, так лучше. Делу не пойдет на пользу, если ты сразу обвинишь незнакомого человека в убийстве, Анна. К тому же, ты не так давно приехала, а я живу в этом городе всю жизнь и лично знаком с начальником стражи.

Я молча кивнула, с благодарностью взглянув на него.

* * *

К зданию участка мы шли плечом к плечу.

Ян переоделся. Я впервые увидела его не в испачканном халате и со взъерошенными волосами. Простую рубаху, что он постоянно носил в аптеке, сменила новая — темно-серая, с аккуратной черной вязью. Поверх — синий кафтан. Без излишней вычурности, но явно сшитый на заказ. Такой говорит о благосостоянии человека: перед вами не простой сельский житель, а зажиточный горожанин.

В участке нас встретили холодно. Лишь когда Ян сказал, что у нас есть информация о пропавшей девушке, стражник нехотя выбрался из-за стола и ушел докладывать руководству.

Вскоре нас пригласили в кабинет к главному дознавателю. Он не отличался роскошью, как кабинет пана Дубчека — начальника стражи Бохницы, что неудивительно. В Зальцдорфе не любили вычурность, предпочитая лаконичность. Но все выглядело вполне добротно и не оставляло сомнений: мы зашли не к рядовому стражнику.

— Чем могу служить? — поинтересовался грузный мужчина, сидевший за широким письменным столом.

— Пан Ковальски, у меня есть информация, касающаяся пропавшей пани Кротич.

Ковальски жестом пригласил нас присесть. Ян говорил, пока я нервно ерзала на стуле. Он четко и без лишних эмоций изложил суть вчерашнего происшествия: о том, как Изред разрыдалась в аптеке, как мы помогли ей обработать раны, и о главном — ее рассказе об избиении мужем.

Голос Яна звучал твердо и ровно. Я почти физически ощущала волны спокойствия и уверенности, исходившие от него.

— Что ж, это занимательная история, пан Рубик. Благодарим вас за проявленное участие. Вы, несомненно, исполнили свой гражданский долг. Приму к сведению. А теперь вам пора, — наконец отозвался пан Ковальски.

— Как? — вырвалось у меня. И это все? Никаких уточнений, расспросов? Он ведь даже не записал показания Яна!

— Анна, — коротко одернул Ян. — Мы уже уходим. Спасибо за уделенное время, пан Ковальски.

Дознаватель кивнул и уткнулся в свои бумаги.

Ян практически выволок меня из кабинета под руку, аккуратно прикрыв за нами дверь.

— Это возмутительно! — пискнула я.

— Не здесь, — отрезал он.

В аптеку мы возвращались в полной тишине. Внутри все кипело.

Ситуация повторялась. Законникам все равно. Пан Дубчек не пожелал защитить меня от Томаша, и вот сейчас Ковальски практически отмахнулся от показаний Яна. Только Бохница — богом забытая дыра на краю света, где никому нет дела до твоих проблем. Неужели и в Зальцдорфе стража не встает на защиту горожан?

* * *

Когда за нами закрылась дверь аптеки, я громко выдохнула. Шум наполненных народом улиц Зальцдорфа, завывание ветра, даже отголоски моих собственных мыслей — все смолкло, растворилось в тишине. Здесь было так спокойно.

— Анна, перестань, — неожиданно сказал Ян.

— Что? — непонимающе откликнулась я.

— Когда ты сильно нервничаешь, то начинаешь теребить подол платья.

Он кивнул, указывая на мои руки. Я удивленно застыла, разглядывая смятую ткань. И правда. Никогда не замечала такого за собой.

А он заметил.

— Слов нет! — не сдержалась я.

— Анна, послушай. Пойми, как все выглядит в глазах законников: девушка пропала после ссоры с мужем. Такое бывает. Обиделась, испугалась — да мало ли что, вариантов много. Мы ведь ничего не знаем об Изред. Может, она отправилась к какой-нибудь родне в Шульцгард, тут недалеко. Или отсиживается у соседки, жалуется, заливая печали клюквенной настойкой. С момента пропажи прошли всего сутки. Оттого стража и не шевелится. К тому же, исчезновение женщин в городе — не такая уж редкость.

— Что? — удивленно переспросила я.

Ян резко замолчал. Он развернулся и принялся поправлять мешочки с травами, разложенные на стеллажах. Они, к слову, и так лежали ровными рядами.

— Ян, — позвала я. Пришлось подойти и слегка коснуться его локтя, заставив обратить на себя внимание. — Что ты имеешь в виду?

— В городе и раньше пропадали женщины. Нечасто, но такое бывает. В том году пропала пани Пошковски — одинокая вдова, чей муж-рыбак не вернулся из моря, его застал шторм. До нее исчезла Хейлин — у бедняги от жуткой лихорадки накануне погиб крошка-сын. А до этого…

Ян нервно сглотнул. Маска достопочтенного горожанина и превосходно владеющего собой мужчины треснула. На секунду я снова увидела хорошо знакомого мне рассеянного аптекаря.

— Кто? Кто пропал до этого?

— Моя мать, Анна, — он тяжело вздохнул. — Это случилось почти двадцать лет назад, мне тогда едва исполнилось семь. Мы жили втроем: я, мать и отец. Отец держал аптеку — вот эту самую, местные его уважали. Но потом что-то произошло. И он стал обижать маму. Сначала словом — они ругались, он позволял себе грубости. А однажды ударил ее. Она поникла и уже не отвечала ему в спорах. Старалась не говорить лишнего, часто плакала, закрывшись в ванной.

Ян замер. Его рука так и зависла над пакетиком с травами. Глаза невидяще уставились в окно, плечи опустились.

— Однажды я проснулся утром, а мама исчезла. Отец сказал, что она нас бросила. Сбежала. Это все. Больше эту тему мы не поднимали никогда. И матери я не видел.

— О, мне так жаль, — наконец прошептала я.

Неудержимо захотелось поддержать Яна. Дать ему почувствовать, что он не одинок. Но я сдержала порыв. Он мой начальник, а не друг. Это неуместно.

— Все в порядке, прошло много лет. Я рассказал, чтобы ты знала — такое иногда случается. Я верю, что все эти женщины, — Ян знакомым жестом взъерошил волосы, — просто сбежали. Не выдержали трудностей и решили покинуть Зальцдорф. Уехали, уплыли куда-то очень далеко. И где-то живут счастливо по сей день. Так, наверное, мне хотелось бы.

Менее чем за сутки, мы с Яном узнали тайны прошлого друг друга. Каждый что-то скрывал. И у каждого в груди сидела своя боль. Впервые я почувствовала, что между нами больше общего, чем я могла предположить.

Глава 4

Прошло три дня. Беспокойство вроде бы стихло, но об Изред по-прежнему ничего не было известно.

Ян сказал, что дает мне пару выходных — отдохнуть и привести мысли в порядок. Но как отдыхать? Сидеть без дела для меня равносильно пытке.

Когда я второй раз за день домывала пол, ко мне подошла Эльфрида.

— Деточка, что ты суетишься? Присядь хоть на минутку, — проговорила старушка.

— Не могу, тетушка. Безделье — невыносимая мука, — вздохнула я, выжимая тряпку. Вода в ведре осталась совершенно чистой, хоть умывайся. Весь дом сверкал.

— Я вот что подумала, — начала Эльфрида. — А не устроить ли нам званый ужин? Тебя наконец взяли на работу — это ли не счастье? Мы даже не поблагодарили достопочтенного пана Рубика. А ведь бедняга такой бледненький, все торчит в своей лаборатории. Поди и не ест нормально, готовить-то некому.

Я задумалась. Ян и правда вечно пропадал в аптеке. Порой и обедать забывал, приходилось ему напоминать. А уж возможность накрыть на стол… окрыляла! Я соскучилась по готовке, что нам вдвоем с пани Эльфридой надо? Котелок картошки да куриный суп. А ведь память все еще хранила рецепты — меня обучала повариха из Бохницы Бона.

— Хорошая идея, — просияла я.

С приглашением на ужин решили отправить мальчишку-посыльного, он постоянно ошивался на улицах. Вскоре пришел ответ от Яна: он польщен и рад заглянуть в гости. Подумав, мы с пани Эльфридой позвали и Флору — очаровательную старушку-соседку, снабжавшую нас домашними яйцами. Флора с радостью согласилась.

— Захвачу свою фирменную ягодную наливку, — пообещала она.

В воздухе витал непередаваемый аромат — на плите закипала чеснечка. Последний раз я варила этот суп еще для команды «Неукротимого». В духовке сверкали золотистой корочкой несколько рябчиков, а на столе дожидался своей очереди пирог с клубникой. Бона готовила его превосходно, но мне пока так и не удалось повторить рецепт.

Пани Эльфрида, воодушевившись, расставляла фарфоровые тарелки — часть того самого сервиза, которым мы почти не пользовались. Накрыли в гостиной, получилось тесновато, но очень уютно. Из закромов достали новенькую скатерть в цветочек, на столе поблескивало серебро — и откуда только у тетушки такое богатство?

В дверь постучали как раз, когда я засовывала пирог в духовку. Флора уже пришла и, устроившись на мягком диванчике, потягивала настойку из крошечной рюмки.

Я в волнении одернула платье и поправила закрепленную шпильками на макушке косу.

— Пан Рубик, дорогой, прошу вас, проходите, — пропела Эльфрида.

Я вынесла к столу, где уже расположилась вся компания, золотистых рябчиков.

— Наша Анна сегодня расстаралась на славу, — радостно сообщила старушка.

* * *

Ужин удался.

Еще долго я буду вспоминать изумление на лице Яна, когда он попробовал чеснечку — здесь, на Юге, это блюдо не готовили. Обжигающее, согревающее. Может, оно не слишком подходило для летнего ужина, ведь за окном стоит жара. Но я знала точно: суп помогает заполнить пустоту внутри, разгоняет печали.

А рябчики? Флора так забавно скривилась, когда желтый сок от нежной мякоти попал на ее блузку.

Пани Эльфрида преобразилась. Милая, тихая старушка куда-то исчезла. Перед нами весь вечер блистала дива! В красивом платье она читала вслух свои стихи, много болтала о прошлом. Выяснилось, что ее рано почивший муж происходил из знатного рода и трудился приказчиком при короне. Вместе они прожили недолго, всего около семи лет брака, в котором родился прекрасный сын — Генри, отважный юнга, погибший на «Неукротимом».

Судьба рано забрала любимых Эльфридой мужчин, но женщина смогла оправиться от потерь и не бедствовала, ведь наследства мужа хватало. Да и Джозеф, по ее словам, частенько присылал доверху набитый золотом мешочек — дань уважения матери его бойца.

— Ох, а уж когда он уронил свою новенькую шляпу в лужу! — хохотала Эльфрида. — Можете себе представить: королевский приказчик в грязной шляпе?

Все рассмеялись, а я украдкой взглянула на Яна. Он тоже улыбался, но при этом пристально смотрел на меня. Неверующе, будто не узнавал.

Его можно понять. Привезенная грозным наемником девчонка. Подавальщица из таверны, сумевшая пережить насилие. Детектив на Северных островах — да, я рассказала о своих приключениях на Ульфхейме. Щепетильная работница, взволнованная небезразличная горожанка, решившая помочь девушке, попавшей в беду.

А теперь… теперь гостеприимная хозяйка, которая предлагает отведать выпечки. Я, должно быть, казалась ему странной.

Он слегка улыбнулся, заметив мое внимание. И довольно кивнул, отправляя в рот очередной кусок пирога. Его верхнюю губу чуть испачкал клубничный джем.

* * *

Все закончилось как-то слишком быстро.

Я могла бы провести так целую вечность: в приятной компании, слушая интересные истории и негромкий смех Яна. Он смеялся коротко, едва слышно. Но лицо его при этом озаряла широкая и искренняя улыбка. Ей хотелось любоваться.

Пани Флора перебрала с наливкой и посапывала на диванчике. Эльфрида скрылась наверху, посетовав на разболевшуюся спину.

Ян тоже поспешил уйти. Я проводила его и уже хотела закрыть дверь, когда он окликнул меня:

— Анна, — прозвучал мягкий голос. Ничего общего с той интонацией, с которой он разговаривал с законниками. — Спасибо. И… ты меня удивила.

Он не стал дожидаться ответа. Развернулся и скрылся в темноте. Я лишь улыбнулась удаляющейся фигуре.

Уже домывая посуду, я выглянула в окно. И на секунду замерла, а мое сердце пропустило удар.

У пристани высился корабль.

Я протерла запотевшее стекло, всматриваясь в темноту. Даже дыхание перехватило. Но нет. Это не величественный черный «Неукротимый», а обычный торговый корабль, сколоченный из грубого дерева.

Снова не сегодня, Анна.

Я вдруг почувствовала укол совести, где-то под ребрами защемило. Из-за всех этих переживаний об Изред, из-за роящихся в голове мыслей о случившемся я несколько дней не вспоминала о Джозефе. А ведь он мог приплыть в любую минуту.

Память услужливо подкинула воспоминания: его сильные руки, вжимающие мое тело в книжный стеллаж; требовательные губы, на поцелуй которых нельзя не ответить; огонь в глазах, когда он смотрит на меня.

Снова стало тоскливо. Я дала ему и себе обещание ждать, не осознавая, насколько это будет сложно.

* * *

Ночи в Зальцдорфе обычно тихие. И спала я здесь крепко, несмотря на все пережитое, ощущая себя в безопасности. Почти без снов.

Но эта ночь изменила все.

Где-то на задворках сознания я услышала голос. Тихий, наполненный теплотой. Наверное, так звучит голос матери, когда она поет колыбельную своему первенцу.

«*Ты устала… Ты очень устала. Я понимаю. Тебе тяжело. Так трудно остаться одной… Я рядом. Я жду тебя, услышь меня. Я жду…*»

Я распахнула глаза, всматриваясь в темный потолок. В приоткрытое окно ярко светила луна. Простыня подо мной стала влажной от холодного пота.

Но… страха не было. Лишь осознание — меня понимают, меня ждут. И отчетливое желание вновь услышать этот нежный и обещающий покой голос.

Я не заметила, как снова уснула, укутавшись в тонкое шерстяное одеяло.

Глава 5

Утро пришло слишком быстро. Я проснулась с тяжелой головой и противным чувством тревоги, поселившимся где-то внутри. Сон, казавшийся таким уютным, теперь оставил после себя лишь пустоту.

Я отмахнулась. Просто игра подсознания. Мало ли что привидится после столь насыщенного дня.

Впервые мне не хотелось идти в аптеку. Противная дверь снова едва поддалась, тишина резала слух, а витавший в воздухе аромат трав щекотал нос. Все казалось неправильным: раскладывать по склянкам мази, рассыпать по мешочкам сборы, натянуто улыбаться покупателям. Ведь где-то совсем рядом притаилась беда — от Изред все еще никакой весточки.

Да и мысли о Джозефе не отпускали. Пока я тут расфасовываю чабрец, он там, в бушующем море. Выкладывается на полную, силясь совладать со стихией. Возможно, ранен, а у корабельного лекаря Мирека не хватит целебных настоев…

Цзынь.

Выскользнувший из рук стеклянный пузырек упал на пол, разлетевшись на десятки осколков. Растирка от радикулита расплылась по деревянному прилавку маслянистой лужицей.

— Анна? — послышался тихий оклик. Ян вышел на шум из лаборатории. — Что случилось?

— Все в порядке, — бодро ответила я. — Зазевалась и уронила…

— Ничего, — тепло улыбнулся Ян.

Он вынес метелку и принялся аккуратно собирать осколки.

— Не поранилась? Дай посмотрю.

Мягкие руки накрыли мои ладони. Я вздрогнула, что не укрылось от его внимания.

— Анна… — начал Ян, — скажи мне, что происходит? Я же вижу, что ты сама не своя.

Я опустилась на высокий стул, спрятанный за прилавком. Потерла щеки, прикрыла глаза. В них словно насыпали песка — веки ныли, а взгляд стал слишком чувствительным к свету.

— Ты прав, да. Я не знаю, как объяснить, — начала я. — Все ведь нормально. Мы так славно поужинали. А ночью… Ночью мне приснился странный сон. Даже не сон, а голос, зовущий меня куда-то. Было так спокойно и хорошо, но утром тревога усилилась.

Я обвела взглядом аптеку.

— Я все еще переживаю за Изред. Эта история не дает мне покоя. Тут что-то нечисто. А мы просто перебираем травы и моем мензурки, когда человек, возможно, в опасности или вовсе мертв.

Я опустила голову.

Ян подошел ближе. Он все еще стоял за другой стороной прилавка, но протянул ко мне руки. Они замерли в нескольких сантиметрах от моих. Но он сумел остановиться вовремя. Будто ощущал: прикосновение неуместно.

Ян чувствовал меня без слов. Это пугало и успокаивало одновременно.

— Вот что, Анна, — сказал он. — Если ты беспокоишься, давай поспрашиваем. Узнаем у соседей, как обстояли дела. Вдруг кто-то расскажет, куда подевалась Изред. Может, у нее в где-то недалеко живет семья, к ним она и сбежала, а ты себя зря изводишь.

— Правда? — с надеждой спросила я.

— Да. Если тебе от этого станет лучше. Но говорить буду я. Я — аптекарь, мне доверяют.

— Ты прав. Да, хорошо, — закивала я.

На душе потеплело. Ян чувствовал меня без слов, готов помочь и не считает, что мои домыслы — всего лишь игра буйного воображения. Это пугало и успокаивало одновременно.

* * *

Я рассматривала клумбу пани Жидковски. Она была роскошна: благоухающие пионы и розы невероятных оттенков, аккуратно подстриженные кустики — загляденье.

Зевок пришлось подавить. Я перевела взгляд на Яна, пытаясь подать ему знак — нам пора.

Уже третья по счету соседка семейства Кротич. И, как и предыдущие, она ничего не видела и не слышала. Все достопочтенные пани уверяли, что пара идеальна: Ганс всегда приветлив с соседями и даже справлялся об их здоровье; Изред — скромная девушка, в основном сидела дома, изредка отлучаясь на рынок. Никаких скандалов никто не слышал. Да, Ганс немного оплошал, когда вскрылась некрасивая история с хищением бюджета, но с кем не бывает.

— Я бы и сама не удержалась, право слово, — хихикнула пани Ржевски, чей дом располагался напротив дома Кротич. — Легкие деньги, ну как тут пройти мимо.

И больше ничего. Уже около двух часов мы беседовали с соседями. Точнее, беседовал Ян. И разговоры эти затягивались, поскольку милые женщины очень скоро начинали болтать о своих болячках:

— Порой так защемит вот здесь, — проворчала пани Жидковски, — просто ужас. Что же это за напасть, пан Рубик?

— Я всего лишь аптекарь. Вам с такими болями нужно к врачу, не затягивайте, позаботьтесь о себе. — Ян участливо похлопал женщину по руке. — А сейчас, прошу меня простить, нам пора.

— Вцепилась в тебя клещами, — ворчливо прошептала я, когда мы отошли в сторону на безопасное расстояние.

— Люди считают, что аптекарь — это почти врач. Зачем сидеть в очереди в больнице, если все можно рассказать в аптеке. Поверь, пройдет совсем немного времени, и к тебе тоже начнут приставать на улице. Ты ведь работаешь со мной. А значит, почти доктор, — подмигнул Ян.

Я лишь грустно улыбнулась.

— Мы так ничего и не узнали.

— А что ты думала услышать? Это тихий пригород, Анна. Здесь люди красят ставни дважды в год и раз в неделю стригут кусты. Тут все благополучно. А если и нет, то об этом никто не расскажет. Может, кто и замечал синяки на Изред, слышал крики. Но предпочтет смолчать: милые бранятся — только тешатся. Зачем лезть в чужую семью.

Он постучал в дверь последнего дома на улице — самого крайнего, расположенного через два дома от Кротичей. Далековато, потому в успех не слишком верилось.

Мы уже успели выяснить, что в Зальцдорфе родни у Изред нет. Она вообще не местная. Ганс привез молодую жену издалека. Откуда — никто толком не знал. Изред лишь отшучивалась: «Из жуткой дыры на краю земли». Узнать что-то о самой девушке тоже не удалось. Она не заводила знакомства, не ходила на чаепития с подругами. Не работала, коротая дни дома, полностью посвятив себя семье.

— Чем могу помочь? — отозвалась сухонькая старушка, открывшая нам дверь. — Ян, дорогой! Какими судьбами?

Я в недоумении взглянула на Яна. Глаза пожилой женщины почти полностью затянула пелена, а морщинистая рука сжимала трость — пани была слепой.

— Пани Абрамс, у вас ведь заканчивается успокоительный сбор. Мы как раз проходили мимо, я решил избавить вас от необходимости…

— Ой, голубчик, не бреши. Я хоть и ничего не вижу, зато прекрасно слышу! Фрида Жидковски ведь горлопанила на всю улицу, когда болтала с тобой. Вы со спутницей обошли всех соседей. И, Ян, если хочешь выведать что-то у меня, то изволь быть откровенным. Ну, удалось что-то разузнать? Страсть как интересно!

Старушка развернулась и бойко двинулась вглубь дома, буквально втаскивая Яна за рукав.

Я зашла следом, заперев дверь. С виду и не скажешь, что здесь живет незрячий человек. Все весьма опрятно: паркет натерт воском, шторы накрахмалены, а на каминной полке аккуратными рядками расставлены деревянные и стеклянные фигурки — вероятно, домашняя коллекция.

— Вот, угощайтесь, — кивнула на кувшин с морсом пани Абрамс. — Как только услышала, что вы тут бродите, достала из подпола. Сразу поняла — сегодня у меня будут гости. Ну, рассказывайте.

Старушка плюхнулась на мягкий диванчик и похлопала по сиденью рядом с собой. Ян присел, а я устроилась в кресле напротив, беря стакан с морсом. Прохладный, чуть вяжущий язык, мой любимый — вишневый. То что надо после нескольких часов под палящим солнцем. Примерять на себя роль детектива оказалось не так уж просто.

— Пани Абрамс, это Анна Новак, она теперь работает со мной. И именно мы, предположительно, стали последними, кто видел Изред Кротич. Она заходила к нам, просила помощи. И… — Ян отпил морса, делая паузу. Будто раздумывал, можно ли доверять старушке. — У нас сложилось мнение, что Ганс обижал ее. А потом она пропала. Анна взволнована, а законники не особо спешат с расследованием. Вот мы и решили пройтись по соседям. Я пытаюсь убедить Анну, что с Изред ничего не случилось.

— Еще как случилось! — всплеснула руками пани Абрамс. — Наконец-то хоть пара здравомыслящих людей среди толпы бездельников и подхалимов! Стражники бездействуют, даже не обошли соседей. А соседи, в свою очередь, продолжают делать вид, что ничего не замечают. Трусы!

— О чем вы? — я отставила стакан. Впервые за сегодня нам попался кто-то, кто разделял наше мнение.

— Ганс — зверь! И всегда таким был, еще до женитьбы на Изред. Он даже мать свою бил, чего уж там! Я-то знаю его с детства, мы и раньше жили на одной улице. Раздражительный, злой, мстительный — вот его самые яркие качества. Уж не знаю, как угораздило бедную девочку так вляпаться, как только согласилась выйти за этого подонка! — прошипела пани Абрамс.

Щеки старушки пылали, выдавая крайнюю степень негодования. Она активно жестикулировала, отставив трость. Видно, долго молчала и теперь с радостью поделилась своими переживаниями хоть с кем-то.

— Сначала Изред громко кричала, умоляла ее не трогать. Но со временем затихла, привыкла к тому, что муженек ее частенько избивает. Таскала платья с длинным рукавом даже в жару. И этот свой плащ с большим капюшоном. Ни с кем не общалась, в гости не захаживала. Я ведь пару раз звала ее, лично приходила. Думала, попьем вместе чаю, хоть выслушаю бедолагу. Она обещала заскочить, но так и не пришла.

Пани Абрамс закашлялась, потянувшись к стакану, заботливо поданному Яном. Эмоции переполняли ее и сейчас она, очевидно, не могла сдержать возмущения.

— Но все соседи утверждают, что ничего никогда не видели и не слышали, мол, пара жила тихо и мирно, — заметил Ян.

— Лицемеры и трусы, я же вам сказала! Нашли у кого спрашивать: Жидковски и саму муж поколачивал частенько, пока не слег от подагры, старый козел! А у Эльзы муж пьет. До поросячьего визга, пару раз даже просыпался утром в кустах у Жидковски! Но все делают вид,

что ничего не замечают. Ты не замечаешь недостатков моего мужа, я — твоего. Так бывает, мой милый, пани не хотят терять лицо.

— Но вы не такая… — тепло улыбнулся Ян, касаясь сухой руки старушки.

— Конечно нет! Ни в жизни не позволю ни одному мужлану меня обидеть! Это ж надо, терпеть такое. И молчать бы не стала, да кто ж спрашивал? Помощник дознавателя зашел только к Гансу, никого из соседей не опросили.

— Изред приходила в аптеку в обед. После этого она возвращалась домой? — уточнила я.

— Нет. Под утро Ганс приплелся из таверны пьяный. Даже калитку открыть не мог, потом долбился в дверь, я и проснулась. Это кажется, что здесь далеко. А у слепых, знаете ли, слух обостряется, так что мимо меня и муха не пролетит, — пани отточенным жестом поправила аккуратный пучок и приосанилась. — После послышались удары. Изред не плакала, нет, но таскал он ее по всему дому долго. Потом залаяла Лу — собачонка Жидковски, и Ганс наконец угомонился. Видать, завалился спать. Бедняга Изред терпела-терпела да не вытерпела. Больто поди какая!

— Да, ее сильно избили, — подтвердила я.

— Ну вот. После этого домой не возвращалась. А уж к вечеру Ганс проспался и понял, что жена-то пропала.

— Погодите… То есть Ганс все это время спал дома?

— Да, говорю ж — напился как свинья и продрых допоздна.

— Тогда, получается… — начала я, с волнением глядя на Яна.

— Что Ганс не мог сделать что-то плохое, — подтвердил он.

— Я бы на вашем месте тоже так подумала. Муж бьет жену, она пропадает — до потери зрения я обожала читать детективы! Но нет. Что бы с Изред ни случилось, вина Ганса, без сомнений, есть. Но он вряд ли мог убить ее в этот день…

— Но как же так, — с отчаянием прошептала я. — Ведь все сходилось! Пани Абрамс, а куда, по-вашему, делась Изред?

— Да кто ж ее знает, — пожала плечами пани. — Может, ломанулась в бега. Или скинулась со скалы, если терпеть больше не было мочи.

— Что ж, — Ян встал с дивана и помог подняться старушке. — Спасибо за помощь. Ваше неравнодушие впечатляет!

— Ну что ты, милый! Если решите продолжить свое расследование, то держите меня в курсе. Это будет лучшей благодарностью. Я тут порядком заскучала, — грустно вздохнула пани Абрамс.

Верхнюю Приморскую улицу мы с Яном покидали в молчании. Пани Жидковски приветливо помахала нам из окна. Эльза Ржевски кивнула. Эти женщины, их дома и семьи казались безупречными. Но только на первый взгляд. Теперь-то мы знали, что скрывается за красивыми фасадами и милыми улыбками.

Глава 6

Мы вышли на набережную. Ян свернул за угол, и перед нами открылась широкая мощеная улица, упирающаяся прямо в море. Барашки волн набегали один за другим, взбивая пену, и ударялись о камни с тихим шипением. Пахло солью и жареным миндалем. А в воздухе витало что-то еще — сладкое, тягучее, обещающее.

— Куда мы? — спросила я, оглядываясь.

Ян кивнул в сторону уютной кофейни под полосатым навесом. За столиками, накрытыми кружевными скатертями, сидели пары и семьи с детьми. Официант в белом фартуке пронес поднос с чашками, от которых поднимался пар.

— Ты заслужила, — сказал Ян. — Несколько часов выслушивать жалобы старушек — это подвиг. Я угощаю.

— Но здесь же… дорого, — неуверенно протянула я, разглядывая нарядных посетителей.

Девчонка из таверны в таком месте? Рядом с этими дамами в шляпках и мужчинами в сюртуках? Мне пока не удалось привыкнуть, что отныне я не только таскаю подносы и суечусь на кухне. Теперь я ничем не выделяюсь от толпы горожан.

— Я могу позволить себе угостить девушку, поверь, — усмехнулся Ян. — Идем.

Он выбрал столик в тени. Большой зонт защищал от солнца, но легкий морской бриз все равно трепал волосы. Мы сели друг напротив друга. Ян в слегка помятой светлой рубашке, расстегнутой сверху на несколько пуговиц. И я — в льняном платье нежно-голубого цвета.

Со стороны мы походили вовсе не на аптекаря и его помощницу. И уж точно не на двух невезучих детективов. Просто парень и девушка, что выбрались в погожий денек на набережную и решили перекусить.

Улыбчивый официант принял заказ — я доверилась Яну, внимательно изучившему меню.

И вроде бы все неплохо: опасения оказались беспочвенными, денек выдался солнечным, и даже компания приятная. Но я чувствовала себя немного виноватой.

— Ты был прав насчет всего, — прошептала я, пододвинувшись чуть ближе, чтобы нас никто не слышал. — Я накрутила себя, а он просто… пьяница и трус. Не убийца.

— Я рад, что тебе полегчало, — едва заметно улыбнулся Ян.

— Да, но все это доставило тебе столько неудобств. Несколько часов пришлось торчать на солнцепеке, выслушивать жалобы старушек… — я опустила взгляд.

— Брось! Это даже весело. Приятная прогулка на свежем воздухе и общение с моими дорогими клиентами. Я ведь видел, что ты переживаешь. Захотелось помочь, — Ян тоже чуть придвинулся ко мне, тепло улыбнувшись.

— То есть все это ради того, чтобы я успокоилась? — усмехнулась я.

— А ты против?

Ответить я не успела. Официант поставил перед нами две аккуратные, расписанные затейливыми узорами, керамические чашки. Сверху лежала нежная пенка из взбитых сливок, посыпанная корицей. Я никогда не пробовала такого.

— Что это? — удивленно спросила я.

— Какао, — пояснил Ян. — Дорогое удовольствие, но иногда можно.

Я отхлебнула осторожно, обжигаясь, но не в силах оторваться. Какао был густым, сладким, с горчинкой и согревал изнутри.

— Божественно, — выдохнула я.

— Я знаю.

Он говорил легко, без обычной своей сдержанности. И я поймала себя на мысли, что впервые вижу его расслабленным. Не за прилавком, не в лаборатории, а просто горожанином, который сидит в кафе и лакомится сладостями.

— Я понимаю, что ты здесь одна. У тебя нет никого, кроме Эльфриды. А она… она хорошая, но старая. Ей не до твоих переживаний. А мне несложно. Профессия у меня такая — помогать людям, — он склонился над принесенным официантом круассаном.

— Спасибо, — тихо сказала я.

Ян кивнул и отправил в рот хрустящий кусочек слоеного теста.

А я вдруг заметила, какие длинные у него ресницы. Темные, чуть загнутые вверх. Они отбрасывали крошечную тень на его скулы. Почему я раньше этого не замечала?

Щеки коснулся ветер. Нежный и ласковый, как щенок, трущийся о руку. Он шевельнул волосы на затылке и едва слышно, почти неразличимо, прошептал:

«Я скоро. Жди».

Ложечка выпала из моих рук, со звоном ударившись о блюдце.

Я резко повернулась к пристани. Она пустовала, лишь пара рыбацких лодочек мерно покачивались на волнах.

— Что-то случилось? — Ян поднял голову от тарелки, пожевал и спросил с набитым ртом. — Ты побледнела.

Он щурился на солнце и с энтузиазмом доедал круассан. Рубашку обсыпало мелкими крошками. Такой довольный жизнью и счастливый. Мне не хотелось его снова беспокоить.

— Нет, ничего, — улыбнулась я.

Ветер стих. Я вновь взяла чашку с какао. Пенка уже чуть осела, но вкус остался прежним.

* * *

На следующий день я работала в аптеке одна. Ян отлучился по делам, сказал, что ненадолго, но отсутствовал уже почти час.

На душе стало легче. Да, мы не выяснили, что случилось с Изред. Но хотя бы исключили самое страшное: ее муж — не убийца. Я тешила себя мыслью, что она приняла верное решение — уехать, начать новую жизнь. Как я когда-то.

Вот только податься мне было некуда. А из Зальцдорфа сбежать очень даже можно: обозы ходят в другие города, торговые корабли причаливают чуть не каждый день. До соседнего городка и пешком-то всего пара часов по оживленному тракту.

Я подметала пол, мурлыкая под нос незатейливую мелодию, когда скрипнула входная дверь.

— Добрый день! — улыбнулась я. — Чем могу…

— Где он? — взвизгнул мужчина.

Невысокий и упитанный, еще совсем не старый, но уже и не мальчик. С залысиной и вторым подбородком. Желваки ходили ходуном, пальцы крепко сжимались в кулаки. На темной рубахе проступили влажные следы пота, словно он бежал сюда со всех ног.

— Где этот сопляк, я тебя спрашиваю?

— О ком вы, пан? — я осторожно отступила на несколько шагов, заслоняясь метелкой.

— Аптекарь! Думаешь, мне не доложили, что вы рыскали у моего дома? Расспрашивали, вынюхивали, как пара помойных крыс! — взревел Ганс.

В том, что это именно Ганс Кротич, сомнений не осталось. И он злился. Очень злился из-за того, что мы пытались докопаться до правды.

— Кто дал вам право беспокоить моих соседей? К чему весь этот цирк, я тебя спрашиваю? — Ганс двинулся прямо на меня. — Это не вашего ума дело! Ты вообще кто такая, чтобы лезть к моей семье? Пиратская подстилка, — выплюнул он.

— Пан Кротич, вынуждена попросить вас уйти, — ледяным тоном ответила я.

Иметь дело со взбешенными мужчинами для меня не в новинку. И я не позволю оскорблять себя, тем более здесь.

— Попросишь? Ты? Меня? Ну и дрянь! Сейчас ты будешь просить только о пощаде!

Он размахнулся, рука взметнулась надо мной. Еще секунда — и я ждала удара. Успела лишь зажмуриться. Но ничего не произошло. Открыв глаза, я увидела, что кулак Кротича перехватил невесть откуда взявшийся Ян.

— Пан Кротич, попрошу вас покинуть мою аптеку. И более не появляться здесь никогда, — сухо сказал Ян.

— Да как ты смеешь? Кем ты себя возомнил? Суешь свой нос в мои дела, чертов сыщик! — орал Ганс, когда Ян потащил его к выходу.

До двери они так и не дошли. Ганс развернулся и с рыком кинулся на Яна. Ян оказался быстрее. Он ушел от первого удара, схватил Ганса за воротник и приложил лицом о стеллаж. Склянки с настойками жалобно зазвенели, на пол свалилось несколько мешочков с травами. Из разбитой губы Ганса хлынула кровь. Он взвыл, попытался ударить снова, но Ян уже держал его за локоть, выворачивая руку.

— Вон, — Ян толкнул мужика к выходу. — Чтобы духу твоего здесь не было.

Ганс сплюнул кровь на пол, зыркнул на меня исподлобья и вылетел за дверь, грязно ругаясь.

Я выдохнула, прижимая руку к груди. Сердце грозилось вот-то остановиться от страха.

Ян повернулся ко мне. На его рубашке отпечаталось алое пятно — кровь Ганса. На скуле виднелась свежая ссадина.

— Ты цела? — спросил он, тяжело дыша.

— Да, — выдохнула я. — А ты?

— Пустяки, — он осмотрел себя и поморщился. — Мне нужно переодеться. И мазь закончилась, но у меня есть наверху.

Он кивнул на лестницу в углу аптеки. Я знала, что там его комната, но никогда не поднималась.

— Позволь мне помочь, — встрепенулась я, тенью скользя за ним.

Квартирка Яна располагалась прямо над аптекой. Типичная холостяцкая берлога. Все по-простому, никаких изысков. Мебели немного: кровать, укрытая синим лоскутным покрывалом, письменный стол с горой всякого барахла, стеллажи с книгами, платяной шкаф с большим зеркалом.

Ян с порога принялся стягивать рубашку.

— Вот идиот! — зло выпалил он. — Какой же я идиот! Знал ведь, что Ганс — редкий засранец. И все равно оставил тебя одну.

Ян копался в шкафу в поисках новой рубашки. А я так и застыла у двери.

Никогда раньше я не видела его разгневанным. Даже самые въедливые покупатели не могли вывести аптекаря из себя. Ян не поддавался ярости и тогда, когда эксперименты в лаборатории заканчивались неудачей. Он всегда держал лицо. Но пану Кротичу удалось, очевидно, невозможное.

И в гневе Ян… был красив.

Лента сорвалась с волос во время драки, и теперь они рассыпались по плечам ровными волнами. В глазах, в обрамлении темных ресниц, появился опасный блеск. Мышцы спины бугрились, вдоль позвоночника сверкнула капелька пота.

Я нервно сглотнула и поспешно отвернулась, подходя к столу. Не хватало еще разглядывать других мужчин, когда Джозеф где-то там, возможно, сражается с самой смертью.

— Прекрати, — вырвалось у меня. — Кто же знал, что он средь бела дня решится на такое.

— Я мог бы догадаться, — Ян уже успел накинуть чистую рубашку, опустился на стул и глубоко вздохнул. — Прости.

— Если тут кто-то и должен извиняться, то это я. Я втянула нас во все это. Из-за меня… вот.

Я нанесла немного целебной мази на его скулу. Под холодными пальцами кожа казалась горячей. И моя рука задержалась на секунду дольше, чем нужно.

— Больше нигде не задел?

— Этот хряк не способен ни на что, кроме как бить женщин и глушить медовуху. — Ян вдруг усмехнулся. — Все в порядке, царапина. Спасибо.

Я закрутила крышку на банке, вытерла руки о тряпицу и позволила себе осмотреться.

На стене, прямо передо мной, висела карта. Я видела подобную на «Неукротимом»: вот Громогорье, вот Версалия, вдали рассыпались Северные острова, где-то внизу — Южные архипелаги.

К карте прикололи булавки с крупными головками, указывающие на ту или иную страну, на острова, на города. Почти к каждой крепился рисунок. Некоторые аккуратно вырезаны из книг или журналов, другие нарисованы от руки. Довольно талантливые карандашные наброски: пустынные барханы, ледяные ущелья, горы, старинные крепости.

Не просто карта. Карта желаний.

— Любишь путешествовать? — спросила я, не в силах оторваться от рисунков.

— Люблю мечтать, — улыбнулся Ян. — Я был лишь в Версалии, да и то когда проходил практику от академии. А потом осел здесь. Работы слишком много, сама знаешь, не до путешествий.

— Это твои рисунки?

— Да. Нужно же чем-то занять руки, когда они не растирают травы и порошки там, внизу. Так я отвлекаюсь от всего. Здесь я не аптекарь, а просто человек, который хотел бы увидеть мир.

Мы спустились в торговый зал. Ян первым нарушил молчание.

— Может, тебе лучше пойти домой? Я сам закрою.

— Нет, — ответила я, берясь за метлу. — Мы и так вчера почти не работали. И потом, со мной все в порядке. Не в первый раз.

Ян хотел возразить, но я уже принялась сметать осколки. Он вздохнул, но спорить не стал. День потек своим чередом — покупатели, травы, ровный гул аптечной жизни. Ян то и дело бросал на меня обеспокоенные взгляды, но я делала вид, что не замечаю. Вечером, когда последний посетитель ушел, он запер дверь и повернулся ко мне.

— Я провожу тебя.

— Не надо, — попыталась отмахнуться я.

— Пожалуйста, Анна, — перебил он. — Мы сходили на разведку на Верхнюю Приморскую ради твоего успокоения. А теперь успокоение нужно мне. Я хочу знать, что ты доберешься до дома без приключений.

Я улыбнулась и кивнула.

Шли молча, подставив лица последним лучам закатного солнца. У крыльца дома Эльфриды Ян попрощался коротким кивком и быстро зашагал прочь.

Я еще некоторое время стояла на улице, провожая взглядом удаляющийся силуэт. Ян был совсем не тем, кем казался поначалу. Он раскрывался все больше и больше. И это не могло оставить меня равнодушной.

* * *

Ян разглядывал заплывающие синяком ребра в зеркало. Он соврал Анне — Ганс все же успел ему врезать. Но аптекарь в грязь лицом не ударил, хотя дрался в последний раз еще в академии. И вообще не склонен к насилию.

Но сегодня… Внутри него словно взревел зверь, когда Ян увидел, как тот подонок замахнулся на Анну. Такую хрупкую, беспомощную, да она едва доставала ему до груди!

«Дурак, — одернул он себя. — *Зачем вообще ввязался? Она же не твоя. Она ждет другого».*

Ян потушил лампу и забрался в кровать. Тогда он еще не знал, что ступил на весьма опасную дорожку.

Глава 7

Прошла неделя. Изред так и не нашли. Но жизнь продолжалась: работа в аптеке, походы на рынок, ужины в компании Эльфриды. Я даже засобиралась на праздник, устраиваемый мэром, думала прикупить подходящее платье. И размышляла над фасоном, домывая миски после ужина, когда в коридоре раздался стук.

Я вытерла руки о полотенце и поспешила открыть.

Дверь еще не до конца распахнулась, а я уже поняла, кто стоит на пороге. Первым пришел запах — морской соли и пряного шалфея. Так пах тот, кого я люблю. Кого так ждала.

Полотенце упало на пол.

— Джозеф, — всхлипнула я.

Крепкие руки подхватили меня, прижимая к себе. Влажные губы тут же нашли мои. Джозеф целовал жадно, неистово, будто мечтал об этом каждый день разлуки.

Я чуть отстранилась, обхватив его лицо руками. Провела пальцами по отросшей темной щетине, запуталась в распущенных волосах.

— Ты вернулся.

— Да. Я так скучал, Анна.

Он завел меня в дом, запер дверь на засов.

— Как ты? Что-то случилось? Тебя так долго не было, — с волнением произнесла я.

— Пустяки. Попали в передрягу, — ответил Джозеф.

Он опустился на диван, утягивая меня к себе на колени.

— Без тебя на корабле невыносимо.

Он осторожно взял мои руки в свои и принялся покрывать пальцы поцелуями. Я блаженно зажмурилась. Каждый день ожидания, каждая ночь, проведенная в холодной постели — все это стоило того! Рядом с этим человеком моя душа пела, а сердце ускоряло свой ритм. Внизу живота разлилось знакомое тепло. Джозеф умел вызывать желание даже простыми прикосновениями.

— Эльфрида уже спит? — хрипло спросил он.

Я кивнула, не найдя в себе сил ответить.

Джозеф встал, легко подхватив меня на руки. И поднялся в мою крошечную комнату. Кровать была слишком узкой для нас двоих. Но так даже лучше. Ведь мне хотелось ощущать Джозефа рядом каждую минуту, каждую секунду. Я чувствовала его дыхание на своей шее, и где-то глубоко внутри уже полыхал знакомый огонь желания.

Разговоры смолкли, уступив место ласкам. Платье полетело на пол, и я вздрогнула от прикосновения прохладного воздуха к коже, но в следующее мгновение губы Джозефа уже накрыли грудь, оставляя горячие следы. На моем теле не осталось ни одного сантиметра, который капитан не покрыл бы поцелуями. Он изучал меня заново, медленно, почти благоговейно.

Я надрывно дышала, уткнувшись в его плечо, чтобы заглушить стоны удовольствия. Сильные руки скользили по моей талии, сжимали бедра, притягивали ближе, и я чувствовала, как его дыхание сбивается, как мышцы напрягаются под моими пальцами. Я старалась быть тихой, чтобы не разбудить Эльфриду. Джозефа это забавляло, и он дразнил меня, доводил до пика снова и снова. Будто услышать мои стоны ему жизненно необходимо.

Мы уснули под утро, уставшие, в объятьях друг друга. Ощущать биение его сердца рядом — высшая награда за долгие месяцы ожидания. Все это стоило того.

Я вновь была абсолютно счастлива.

* * *

— Доброе утро, — поздоровался Джозеф, лукаво улыбнувшись. Он вошел на кухню, вытирая еще влажные волосы полотенцем. Видимо, только из душа.

Он переоделся. Светлая рубашка была узковата в плечах, зато подчеркивала их рельеф. Льняные штаны сидели свободно. В этой простой домашней одежде, босой, он выглядел не как гроза морей, а скорее как глава семейства, спустившийся к завтраку.

— Джозеф, сынок! — встрепенулась Эльфрида. — Какая радость, какое счастье! Бедная девочка места себе не находила, так скучала.

Старушка поспешила обнять Джозефа. Она едва доставала ему до груди, оттого было еще милее. Я улыбнулась, рассматривая их.

Джозеф изменился. Он похудел, мышцы на предплечьях теперь вырисовывались четче, скулы стали острее. На лице многодневная щетина. Костяшки пальцев сбиты, кое-где виднеются ссадины. И…

— Что это? — спросила я, кивнув на его запястье.

Он машинально одернул рукав, но поздно. Тонкий металлический браслет тускло блеснул на свету. Темное серебро, едва заметные руны. Я хорошо знала Джозефа — он никогда не носил украшений. Ни колец, ни цепочек.

— Подарок друга, — ответил он слишком быстро и отвел взгляд.

— Джозеф, я видела много подарков, что дарили твои друзья. Это не похоже ни на один из них, — задумчиво протянула я, но спорить не стала. Не здесь, не при Эльфриде.

Подавив тяжелый вздох, я пододвинула к нему тарелку с рагу. Знала ведь, чем он занимается и как опасна его работа. Он не фруктами торговал. Оттого и удивляться нечему — задание сложное, команду, наверняка, потрепало. А что до браслета? Может и правда чей-то неожиданный подарок, мало ли, разузнаю позже.

— Как сам? Как там мальчики? — ворковала Эльфрида, заботливо подливая Джозефу чай.

— Все в порядке, потерь среди экипажа нет, хоть Мирека и пришлось в этот раз потрудиться — ранения были. Станислав все так же угрюм, но в бою незаменим. Мы шутим, что и ему пора найти женщину — может, немного подобреет. А Збигнев с Вацлавом без устали режутся в карты, проигрывают друг другу по кругу. Но играют не на деньги, а на желания. Это даже забавно: взрослые мужики, а ведут себя как дети. Леон, как всегда, балагур. А Фил… мальчишка совсем вырос. Теперь он — моя правая рука.

У меня навернулись слезы. Я скучала по всем ним — отважным морским волкам. Каждый со своей изюминкой, к каждому нужно найти подход. Но я с этим справилась. И тогда, в долгом путешествии на Северных островах, мы стали добрыми друзьями. Увижу ли я когонибудь из них снова?

— Что нового у вас? Как спина, Эльфрида, болит?

— О, намного лучше, дорогой, спасибо. Наш аптекарь делает чудодейственные мази, прекрасно помогают. Кстати… — старушка вопросительно взглянула на меня.

Я откашлялась.

— Мне удалось найти работу. Как раз в аптеке.

Джозеф замер, не донеся кружку до рта. В глазах мелькнул знакомый огонек недовольства.

— В аптеке?

— Да, отличное место, не беспокойся, — поспешила снять повисшее в воздухе напряжение Эльфрида. — Пан Рубик — уважаемый человек и хороший специалист. Не обижает нашу девочку.

— Пан Рубик, значит, — протянул Джозеф. — Анна, я думал, что мы договорились.

Я поджала губы и глубоко вздохнула, собираясь с силами.

— Не могу долго сидеть без работы, Джозеф. Ты же знаешь, для меня это невыносимо. Тетушка не давала мне скучать, но постоянно торчать в четырех стенах… — я широко улыбнулась Джозефу. И выдержала его тяжелый взгляд.

Он кивнул.

— Хорошо, если тебе это нужно. Но я обязательно загляну в эту вашу… аптеку.

— Конечно. Заходи сегодня в обед. У меня смена, — я виновато пожала плечами. — Но мы сможем перекусить днем, я тебе все покажу.

Завтрак прошел без происшествий. Джозеф немного рассказал о своих приключениях — как они выслеживали контрабандистов и как попали в шторм, как Мирек вытаскивал стрелы из плеча Збигнева. Я слушала и улыбалась, хотя ощущала его легкое раздражение.

Но ничто не могло испортить мое настроение, ведь любимый человек наконец здесь, со мной. В аптеку я летела почти на крыльях, улыбаясь прохожим. Все дела переделала еще до обеда. И мечтательно вглядывалась в окно, когда ко мне подошел Ян.

— Ты сегодня какая-то… другая.

Я повернулась к нему, все еще улыбаясь. Ян понимающе хмыкнул.

— Вернулся, — сказал он.

Не вопрос. Ян сразу все понял.

— Да, — тихо ответила я. — Джозеф зайдет сегодня днем, хочет посмотреть, где я работаю.

Ян кивнул, развернулся и скрылся в своей лаборатории.

* * *

— Настойка от головной боли на третьей полке справа, пан Ржевски. Там же, где и всегда, каждое воскресенье берете, — я заботливо проводила посетителя до стеллажа.

Супруг Эльзы, как мы уже выяснили, любил приложиться к бутылке. И теперь пришел за лекарством от похмелья — руки подрагивают, кожа болезненного сероватого оттенка.

— Спасибо, дорогуша, ты так добра. А плесни-ка мне еще той бурды от тошноты. Съел, видимо, что-то не то, — сказал старик.

Я понимающе кивнула, не задавая лишних вопросов.

Дверь скрипнула, впуская очередного посетителя.

Его невозможно перепутать ни с кем из местных. Высокий, в темной рубахе и с коротким мечом на перевязи. Если бы Джозефа Черны нужно было описать одним словом, этим словом стало бы «опасность». Ни заискивающих улыбок, ни вежливых кивков. Всегда собран и готов ко всему — истинный капитан.

— Джозеф, — просияла я.

Проводив пана Ржевски, я кинулась в родные объятия. Джозеф собственнически притянул меня к себе, обнимая за талию.

— Вот, здесь я и работаю. Пан Рубик сам делает целебные снадобья: мази, растирки, настойки. А я их продаю, — я указала на прилавок. — Еще слежу за чистотой и деньгами.

— Не многовато обязанностей для помощницы аптекаря? — Джозеф вскинул бровь.

— Ее труд достойно оплачивается, не беспокойтесь, — послышалось из-за двери, ведущей в лабораторию.

В торговый зал вышел Ян. Сегодня — в чистом халате, темных брюках, аккуратно причесан. И с непроницаемым лицом. Таким, чтобы сразу стало понятно — хозяин здесь он.

— Ян Рубик, будем знакомы, — протянул он руку Джозефу.

Тот без промедления ее пожал.

— Капитан Джозеф Черны. Жених Анны, — второй рукой он покрепче прижал меня к себе.

— Жених? Вот уж чудесные новости. Что же ты молчала, Анна? — Ян разомкнул рукопожатие и встал за прилавком.

— Я… — растерянно протянула я.

— Что ж. Такая неожиданная радость. Долгое расставание, вы так редко посещаете Зальцдорф. Анна, на сегодня можешь быть свободна. И завтра возьми выходной, проведи время с женихом, — сказал Ян, открывая журнал. На последнем слове он сделал акцент.

— Спасибо, — пролепетала я, утягивая Джозефа за рукав.

Он будто врос в пол, буравя глазами цвета стали Яна, словно пытаясь что-то в нем разглядеть.

— Вы очень любезны. Теперь, полагаю, мне следует навещать любимую чаще, — отрезал Джозеф и, не прощаясь, зашагал к двери. Его рука сжимала мою даже крепче, чем требовалось.

* * *

— Как-то неловко получилось, — смущенно пробормотала я, когда мы уже шли по залитой солнцем набережной.

— Отчего же? Лично мне все ясно, — сухо отозвался Джозеф.

— Что?..

— Пацан пускает на тебя слюни, Анна, вот что! Как он на тебя смотрит! Да только слепой не заметит! — Джозеф резко развернулся, отпуская мою руку.

— Джозеф… Это не так. Между нами ничего нет. И быть не может. Откуда это недоверие?

— Тебе я доверяю. А вот ему — нет. Я мужчина, Анна. И знаю, как другие смотрят на женщин, которых желают.

— Ты ошибаешься…

Прогулка вышла напряженной. Джозеф в основном молчал. Да и маршрут выбирал странный: водил нас по каким-то закоулкам, где я раньше и не бывала. Часто озирался. А обедать и вовсе привел в пропахшую кислым пивом и табачным дымом таверну. Зато здесь почти никого не было, лишь у окна пристроился путник в капюшоне.

Кусок не лез в горло. Меня душила обида. Я почти год провела в ожидании, запертая в доме наедине со старушкой. Верила, ждала, надеялась. Каждый вечер вглядывалась вдаль, высматривая знакомый силуэт «Неукротимого». Чем я заслужила такое обращение?

— На пристани нет твоего корабля, — заметила я, нарушая тишину.

Джозеф ковырялся в тарелке, к своему пиву даже не притронулся.

— У нас небольшие неприятности. «Неукротимый» отплыл в море, чтобы не привлекать внимание. Так безопаснее, — протянул он, глядя на меня.

Он чуть оттаял, что не могло не радовать. Морщинка между бровей постепенно разглаживалась.

— Мне есть о чем беспокоиться?

— Нет, конечно нет, моя девочка. Все, как всегда, под контролем, — натянуто улыбнулся Джозеф, касаясь моей руки.

Домой возвращались тоже какими-то тайными тропами. Беспокойство во мне нарастало, но отступило, когда в гостиной Джозеф притянул меня к себе. Он провел рукой по моей спине, заставляя рой мурашек взметнуться по коже.

И поцеловал. Его поцелуи редко были нежными. Чаще — жадными и требовательными. Но сегодня в них сквозило что-то дикое, почти отчаянное. Он сжал мое запястье, прижимая

к подушке, и я чувствовала, как дрожит его рука. В какой-то момент больно укусил меня за губу, заставив вскрикнуть.

— Ты моя, — прошептал он, нагнувшись к моему уху. — И только моя, Анна.

Его дыхание отдавалось во мне дрожью. Джозеф вминал меня в матрац, заставляя стонать. Каждый рваный поцелуй, каждый толчок — он словно старался доказать мне, себе, Яну и всему миру, что я принадлежу только ему.

И я позволяла. Хотя в какой-то момент он показался мне чрезмерно пылким. Его глаза, полные голода и тоски, лихорадочно блестели, а пальцы оставляли на моей коже следы — так сильно он прижимал меня к себе. Джозеф тонул в пучине, а я стала его единственным спасением.

Я понимала. Столько месяцев в море, среди опасности, выкладываясь на полную… И теперь, уловив крошечную угрозу в лице возможного соперника, он едва держит себя в руках. Поцелуи становились все отчаяннее, будто он боялся, что я внезапно исчезну.

Что-то случилось там, на том задании. За эти месяцы что-то поменялось. Но я пока не могла понять, что. И надеялась лишь, что Джозеф немного расслабится, проведя рядом со мной пару счастливых дней. А эта ночь, полная страсти и тихой боли, подарит ему силы для того, чтобы двигаться дальше.

* * *

Следующим утром пани Эльфрида, хитро подмигнув, сообщила, что идет в гости к Флоре. Той, якобы, нездоровится, требуется присмотреть за подругой.

Мы с Джозефом остались в доме вдвоем.

Я испекла клубничный пирог — он с каждым разом получался все лучше. Джозеф тепло улыбался, глядя на то, как я волчком кручусь по кухне. А потом смахнул с моего носа муку и сладко поцеловал. Но не так, как накануне, а нежно и трепетно. И от пирога не отказался, видимо, успел проголодаться.

Отведали мы и фирменной наливки Флоры, припрятанной в подвале. Совсем капельку, для настроения.

А потом решили вместе помыться.

Я терла мокрой тряпицей напряженные плечи Джозефа. Лохань была не такой большой, как в его личной купели на «Неукротимом». Но так даже лучше — мы сидели настолько близко, что чувствовали каждый сантиметр друг друга.

— Ты так напряжен, — шепнула я. — Не хочешь поделиться? Я же вижу, что-то случилось.

Джозеф тяжело вздохнул, но не обернулся. Я поняла, что он размышляет над тем, стоит ли мне рассказывать. И все же решился.

— Случилось. Конечно, ты заметила, что я стал слишком нервным. Я пока не уверен, нужно ли тебе говорить. Лишние беспокойства, Анна…

— Жить в неведении еще хуже! Совсем скоро ты вновь исчезнешь, а я буду накручивать себя целыми днями, медленно сходя с ума. Это невыносимо, Джозеф! Прошу, не поступай так со мной.

— Ты права. Как всегда, права, — тихо выдохнул он. Плечи расслабились, поникли. — Проблема в том, Анна, что я не знаю, когда смогу вернуться.

— Что? — в ужасе выдохнула я.

— Хорошо, я расскажу. Но обещай не тревожиться напрасно.

Джозеф обернулся, устроившись поудобнее. Он смотрел на меня. Серые глаза непроницаемы. Но я хорошо знала этого мужчину и сумела увидеть искорку боли. Возможно, даже отчаяние, так тщательно им скрываемое.

— Мое последнее задание, Анна… не было заданием. Я встречался с королем.

— Не понимаю… — прошептала я.

— Войтех II весьма своенравен и не терпит, когда его водят за нос. Все маги, обладающие достаточной силой, поступают на службу в королевскую армию. Делают то, что скажет король. Выполняют его поручения. Воюют за него. Убивают за него. Живут в казармах на закрытой территории и лишены права свободно перемещаться. Фактически становятся рабами. Навсегда, без возможности прожить жизнь так, как хочется. Таких, как я, выслеживают и рано или поздно находят.

Я замерла, боясь пошевелиться.

— То, что мне так долго удавалось скрываться от личной гвардии его величества, — большое везение. Но фортуна отвернулась от меня. Они перехватили «Неукротимый». И, чтобы не подвергать опасности своих людей, я добровольно пошел с ними.

Джозеф замолчал, беря меня за руку. Мои пальцы слегка тряслись. Я знала, что все это означает. Но мне нужно услышать это от него.

— Я отказал королю, Анна. Не фактически, конечно, ему не отказывают. Я поступил еще хуже — пообещал, что закончу свои дела в ближайшее время и поступлю в его распоряжение. И тогда моей свободе пришел бы конец. Для меня это страшнее смерти, — судорожно вздохнул Джозеф.

К горлу подступила едкая горечь. В глазах уже щипало, слезы готовились вот-вот вылиться. Но я держалась изо всех сил.

— Король дал мне пару недель. Они, как ты понимаешь, давно истекли. С тех пор мы скрываемся. Нет ни одной безопасной пристани, где мы могли бы надолго бросить якорь. У законников каждого города Громогорья на столе лежит мой портрет. Они ищут меня, Анна. И еще кое-что, — Джозеф поднял руку. На ней блеснул тот странный серебряный браслет, что я видела утром.

— Что это?

— Подавитель, Анна. Артефакт королевских магов земли.

Я посмотрела на тонкую темную полоску, плотно облегающее запястье Джозефа.

— Если не вернусь в назначенный срок, чертова штуковина заблокирует мой дар навсегда. Пока что он просто… душит. Магия есть, но уже не та. Я не удержу шторм. Не могу толком управлять кораблем как раньше. Только слабые порывы! Их едва хватает, чтобы «Неукротимый» развернулся в нужную сторону.

— Но ты сможешь его снять?

— Не здесь. Нужен сильный маг земли. Или время. У меня нет ни того, ни другого.

— Что же теперь делать? Что будет, если они найдут тебя?

— Ничего хорошего. Убьют или силой потащат к королю. А он уж постарается превратить мою жизнь в кошмар. Что делать? — он грустно усмехнулся. — Я впервые не могу ответить на этот вопрос. Бежать, Анна. Бежать без оглядки.

— Ты оставишь «Неукротимый»? — Невозможно! Я знала наверняка: Джозеф пойдет ко дну со своим кораблем. Это — его детище, отрада, смысл жизни.

— Выбора нет. Каким бы быстрым он ни был, однажды нас догонят. «Неукротимый» слишком заметен, меня многие знают. А мои люди… они не заслужили такой участи. Я не могу подвергнуть их опасности.

Он замолчал. Комнату наполнила гробовая тишина. Даже дышать стало тяжело.

Я неотрывно смотрела на Джозефа. И не смогла сдержать слез. Казалось, им не будет конца. Он не отводил взгляд. Маска равнодушия, наконец, спала. Теперь я видела перед собой истинное лицо того, кого любила.

Джозеф был в отчаянии. Сильный, неукротимый, несгибаемый. Гроза морей, искусный воин, готовый вступить в схватку с самой смертью. Этот человек не смог бы стать собачонкой

короля. Ни за что, ни при каких обстоятельствах. Его стихия — ветер. Его дом — море. И сидеть на суше подле трона правителя и выполнять все его прихоти… немыслимо.

А еще это человек долга. Он тщательно подбирал членов команды. Каждый матрос на «Неукротимом» — со своей историей, почти всегда печальной. Джозеф подарил им надежду, разжег в их сердцах желание жить. И теперь он рисковал всем этим. Но не мог их подвести.

— Потому я не знаю, когда смогу вернуться. И где окажусь через месяц, два, Анна. Я вынужден буду скрываться, как беглый преступник. Прости меня, — выдохнул он, прижимаясь своим лбом к моему. Его трясло. Он был на грани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.